

СТАРЫЙ бакинец, я с особым пристрастием читаю последние тома полных собраний сочинений классиков — письма, речи, дневники, комментарии: а вдруг неожиданно мелькнет название моего родного города? В собраниях сочинений С. Есенина вроде все описано: и пребывание поэта в Баку, и мардакянская дача, и дружба с Петром Ивановичем Чагиным — тогдашним редактором газеты «Бакинский рабочий». На ее страницах увидели свет многие произведения поэта — от «Персидских мотивов» до «Неуютной жидкой лунностью...»

Задумываюсь лишь над одним: почему именно в Баку родилось и было напечатано такое вовсе не «восточное», а уж совсем «русское» стихотворение, как «Неуютная жидкая лунность...» Какие ассоциации могли породить «яблонь весеннюю вьюгу», «полевую Россию»? Или только контрасты?

Может быть, есть все-таки еще что-нибудь в первоначальном тексте, что проливает какой-то новый свет на заинтересовавший меня вопрос? И я листаю пыльную подшивку «Бакинского рабочего» за 1925 год. Вот этот номер — № 115 от 25 мая. Нет, текст абсолютно тот же, только несколько запятых добавлено в соответствии с нынешними строгими правилами. Сразу же вслед за «Неуютной жидкой лунностью...», отделенное лишь звездочками, стоит знаменитое, для всех бакинцев особенно дорогое стихотворение Есенина «Прощай, Баку!» Знаю его наизусть, встречал во всех есенинских книжках, но здесь, на пожелтевшей странице «Бакинского рабочего», неожиданность — оно имеет посвящение, которого ни в одном собрании сочинений не встречал: «Посв. В. Болдовкину». Кто это?

Спорить с составителями собраний сочинений не собираюсь. Заглядываю в комментарии к изданиям: «...в газ. «Бакинский рабочий» стихотворение посвящено В. И. Болдовкину — работнику советского полпредства в Тегеране, брату П. И. Чагина».

В комментариях к «Персидским мотивам» нахожу: «Определенное значение имели для Есенина и подробные рассказы о Персии В. И. Болдовкина (брата П. Чагина), который долгое время работал в советском полпредстве в Тегеране».

«Определенное значение...» А какое все-таки? Об этом в комментариях ничего не сказано. Конечно, в очередной поезд в Баку стал наводить справки о В. Болдовкине. Ну, мог ли я думать, что мне не только расскажут во всех подробностях о нем, но на стол передо мной положат его воспоминания о Сергее Есенине, причем ранее не опубликованные! И вот эту малоизвестную читателям фотографию, запечатлевшую В. Болдовкина вместе с Есениным!

Так и случилось. Меня познакомил с вдовой В. Болдовкина Агриппиной Ивановой бакинский историк Р. Шейн, в свое время хорошо знавший Болдовкина, — сам очень интересный человек, знаток бакинских редкостей.

Василий Иванович не литератор. Наверное, поэтому так и остались неопубликованными его воспоминания. Но их некоторые страницы следует сделать достоянием читателя. Ведь они расширяют короткую строку комментаторов собрания сочинений С. Есенина о том, что для создания «Персидских мотивов» «определенное значение» имели «подробные рассказы о Персии» В. Болдовкина.

Воспоминания В. Болдовкина начинаются с момента первого возвращения его в Баку из Персии (март 1924 года). Он дома, на родине, в кругу близких. Вдруг раздается телефон-

ный звонок. Его брат, Петр Иванович Чагин, звонит из редакции, просит принять и обласкать дорогого гостя — известного поэта Сергея Есенина. Сам Петр Иванович приехать сейчас не может — не позволяют дела редакции. А С. Есенин бредит Персией, и ему не терпится поговорить с Василием. Так произошло их знакомство.

Вот как описывает поэта Василий Иванович (позволю себе самое бережное, осторожное вмешательство в его текст, сниму стилистические огрехи): — Его (Есенина) выходящие,

ехал. Тут, пожалуй, следует дополнить воспоминания В. Болдовкина выдержкой из записок старшего брата, хотя и опубликованных, но мало известных широкому читателю. Петр Иванович Чагин пишет: «...Поехали на дачу в Мардакянах, под Баку (это было 1 мая 1925 года), где Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задумчиво читал новые стихи из цикла «Персидские мотивы». Киров обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: «Почему ты до сих пор не создал Есенину

первомайских номерах «Бакинского рабочего»».

Весной 1925 года — это известно из различных источников — С. Есенин болел, лежал в бакинской больнице водников. На нескольких стихотворениях, написанных в это время («Ну, целуй меня, целуй...», «Не вернусь я в отчий дом», «Есть одна хорошая песня у соловушки...»), сказались нездоровье, дурное расположение духа. Воспоминания В. И. Болдовкина еще раз подтверждают это:

«Весной я приехал в Баку, — продолжал Сергей. — Получил воспаление легких, так и хрипло. Лежал в больнице. Отец твой часто приходил ко мне и мать; я их очень люблю... Вася, послушай, он встал и начал читать:

Есть одна хорошая песня у соловушки... В конце он опустил голову и почти шепотом произнес: А теперь вдруг свесился, словно неживая.

— Я это писал в больнице, думал умиру... После завтра еду в Москву, а завтра мы с тобой будем весь день вместе.

На том же самом балконе, где рождались год назад «Персидские мотивы», мы уснули, не раздеваясь. Утром искупались, побились, выбросили рыжую вельветовую куртку и старую кепку Сергея. Ему понравилась моя соломенная шляпа. Примерил — как раз в пору, к лицу идет.

— Носи, Сергей, и пойдем покупать кепку для меня...».

И все-таки первомайские праздники в Баку изменили настроение С. Есенина. Но дела решительно звали его в Москву, как ни хотелось ему покидать гостеприимный южный город, множество друзей, которых он здесь обрел. Отъезд был назначен на 25 мая. В номер от этого же числа в редакции «Бакинского рабочего» готовили текст стихотворения «Прощай, Баку!». В. Болдовкин вспоминает далее:

«Вечером, часов около десяти позвонил ко мне брат.

— Ты, конечно, знаешь, что Сергей завтра уезжает; я говорю из типографии, сейчас Сергей у меня дома, а семья моя на даче. Ты иди ко мне домой и захвати, что нужно, ну, приготовь нечто вроде ужина.

.. Сергей увлеченно рассказывает, как в Балаханах он проводил Первомай, как горячо его приветствовали нефтяники.

— Просто жаль уезжать из Баку. Но скоро, летом, я опять приеду сюда, в Мардакяны, к Петру Ивановичу на дачу.

Позвонили из типографии: — Кто, метранпаж? Качурин? Это я, Сергей. Петр скоро там освободится? Уже сверстали? Передай Петру: «Прощай, Баку!» я посвящаю Василию Ивановичу Болдовкину. Алло, Петр? — «Прощай, Баку!» я посвящаю Василию, прошу тиснуть. Во время? А то через полчаса было бы поздно? Ну, ничего.

Часов около двух ночи приехали брат и Качурин. Качурин держал в руках свежий, еще пахнувший краской оттиск заставки, от 25 мая 1925 года, газеты.

Сергей стал читать «Прощай, Баку!» Тебя я не увижу...». Крепко-крепко поцеловал меня: — Хорошо! Это посвящаю тебе. Жаль, только, что не вместе едем в Москву.

И я решил бросить все свои дела и ехать с Сергеем в Москву...

...Мы с Сергеем поехали на вокзал. На вокзале масса друзей, много провожающих. Помоему, и знакомые, и совершенно незнакомые целовали Сергея.

— А телеграмму? Вася, скорей, я уже написал и чуть было не забыл отправить.

Я взял у Сергея клочок бумаги, подошел к окну телеграфной и быстро переписал на бланк «Москва, Брюсовский пер., 2, Бениславской. Будем Москве вместе братом Чагиным, готовить комнату — Сергею».

Гудок паровоза, поезд медленно отходит от перрона. Сергей отвечает на десятки машущих рук.

— Прощай, Баку!..»

Так порой за короткой строчкой комментария — важные страницы жизни писателя.

Я. САДОВСКИЙ,

кандидат филологических наук.

БАКУ — МОСКВА:

● С. Есенин и В. Болдовкин (редкий снимок).

публикуется впервые РЯДОМ С ЕСЕНИНЫМ

цвета спелой пшеницы, волосы прядями спадали на лоб. Открытые, голубые, задумчивые глаза и очаровательная улыбка сразу располагали к себе. Широкая, грузинского покроя, мышинного цвета рубашка, растегнутая у ворота и подтянутая узким восточным ремешком, складно сшитые «в бутылочку», тщательно отутюженные короткие, по тому времени модные, брюки сидели на нем изящно, подчеркивая ладную фигуру, придавая его движениям полную непринужденность.

Устроившись на балконе, я ему рассказывал множество различных персидских легенд о мифических пери; рассказывал о городах Персии, в которых я побывал; о замечательном старинном тегеранском базаре с его лабиринтами, в которых можно блуждать и не скоро сумеешь выйти, и можно просто заблудиться...

Долго длится наш разговор. Уже ночь, а Сергей все забрасывает меня вопросами. С рассветом только мы ушли спать, а когда я проснулся, то застал Сергея за столом уже одетым и что-то писавшим. А через час, за завтраком он читал: «Улеглась моя былая рана».

Это, по свидетельству В. Болдовкина, март 1924 года. Следовательно, есть расхождение с комментариями к собраниям сочинений, где сообщается, что стихотворение датировано «осенью 1924 года», — по автографу, на котором дата указана рукой Г. Бениславской. Но, может быть, прав все-таки В. Болдовкин, а Г. Бениславская проставила на автографе «осенью 1924», потому что опубликовано стихотворение было в газете «Трудовой Батум» 10 декабря 1924 года? Но продолжим чтение воспоминаний.

«На протяжении почти 20 дней мы поздно вечером усаживались на балконе и говорили, говорили — почти до рассвета.

— Ты знаешь, Вася, я хочу создать целый цикл стихов про Восток, про Персию, про Персию старинную, древнюю, про Персию новую, такую, как она есть. Я говорил с руководящими товарищами о поездке в Персию, и мы, возможно, поедем вместе...»

В Персию С. Есенин не по-

иллюзии Персии в Баку? Смотри, как он написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустим его, учитывая опасности, которые могут его подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит — дообразит. Он же поэт, да какой!»

Видимо, П. И. Чагин не посвятил брата в этот свой разговор с С. М. Кировым, но поручение Кирова — создать Есенину «иллюзию Персии в Баку» — выполнил, однако при значительном участии Василия Ивановича Болдовкина. И снова обратимся к его воспоминаниям:

«Прошел год. Наступил май 1925 года. На пароходе я возвращался из Персии в СССР. В утренней бакинской дымке пароход подходил к причалу. На пристани небольшое количество встречающих людей. Какое же было мое удивление, когда среди встречающих я увидел улыбающееся лицо Сергея, но уже какое-то болезненное. На нем была надета желтая вельветовая куртка, которая еще больше придавала желтизны его лицу. Мы крепко расцеловались и поехали ко мне домой. По дороге Сергей рассказывал о своей поездке в Тифлис и Батум, говорил о грузинских поэтах...

— А Батум с его магнолиями! Я почти каждый день бывал на пристани, встречал пароходы из-за границы — и лицо Сергея помрачнело. Мои вопросы — кого же он встречал, оставались без ответа. И только через несколько дней он мне поведал:

— Знаю, что она не может приехать, а все же ждал. Я ждал Анну и творил поэму. Я тебе ее прочту. Это самое лучшее, что я написал, я то же самое сообщил и Петру из Батума... Ты понимаешь, знаю, что этой встречи не может быть, а все же меня тянет и тянет к пароходам...»

Одно из лучших своих созданий — поэму «Анна Снегина» — С. Есенин писал в Батуми, работал над ней затем и в других городах. Но так случилось, что опубликовал ее полностью в

Сов. культура 1978, 10 окт., 188